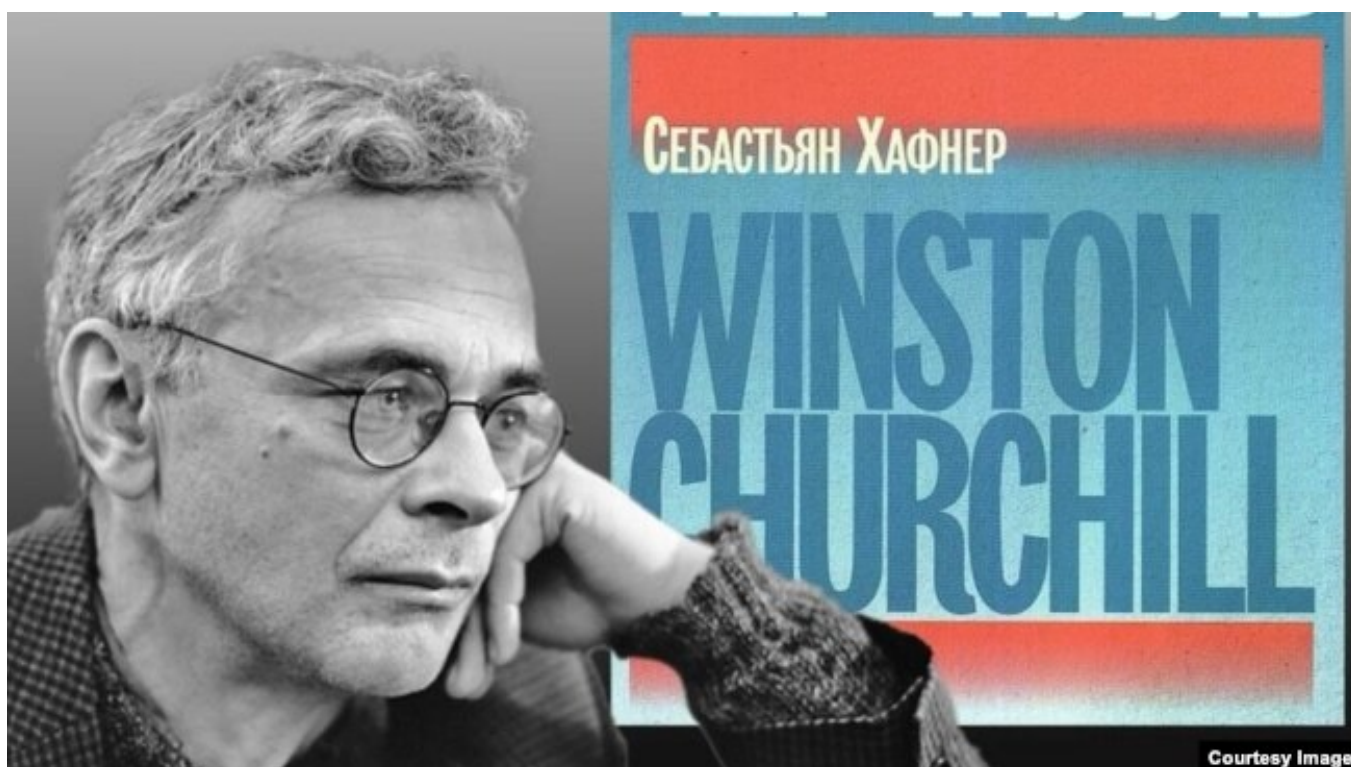

ИСТОРИЯ.СЕВЕР

"Винни-Пух, победивший фашизм". К выходу книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль"

1 часа(-ов) назад

Никита Елисеев, критик и переводчик

В Петербурге в [Издательстве Ивана Лимбаха](#) вышла книга Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль" в переводе Никиты Елисеева. Презентация книги прошла в арт-пространстве mArs.

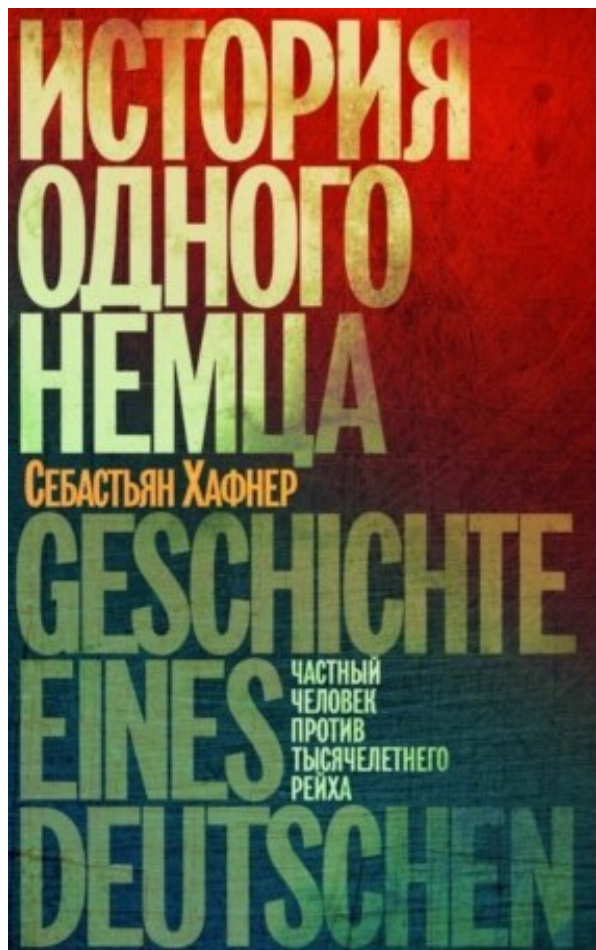
Издательство Ивана Лимбаха публикует серию дневников и текстов, созданных немецкими авторами времен Третьего рейха, сопротивлявшимися нацизму. В этой серии уже [вышли](#) "Дневник отчаявшегося" Фридриха Река-Маллечевена (перевод Альбины Бояркиной) и две первые книги трилогии Себастьяна Хафнера – "История одного немца" и "Некто Гитлер" (перевод Никиты Елисеева), и вот теперь издана третья книга – "Уинстон Черчилль".

Никита Елисеев на презентации книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль". 2 июля 2026 года

| Интеллигент, проигравший фашизму

В предисловии к книге о Черчилле Никита Елисеев пишет: "Ту "дуэль", которую проиграл Гитлеру ...герой "Истории одного немца", выиграл герой другой книги Хафнера, Уинстон Черчилль. То есть сначала вопрос: как же так? Я и такие, как я, проиграли страну малограмотному демагогу, преступнику со свихнутыми мозгами, оказались в ситуации, когда иного выхода, кроме как бежать от полоумного диктатора, просто нет. Первая книга Себастьяна Хафнера написана в 1938–1940 годах ...про интеллигента ...проигравшего фашистам. Спустя почти три десятилетия Хафнер публикует книгу про английского политика, фашистов победившего..."

Себастьян Хафнер

Настоящее имя Себастьяна Хафнера – Раймунд Претцель. Он родился в 1907 году в семье педагога, реформатора народного образования, выучился на юриста, работал в Верховном апелляционном суде, откуда ушел, увидев, что гитлеровское государство перестало быть правовым. Работал в модных журналах. Из-за принятых в Германии расовых "нюрнбергских законов" невесте Раймунда Претцеля Эрике Шмидт-Ландри, еврейке, пришлось эмигрировать в Англию. Претцель уехал с ней, в сентябре 1938 года они поженились. Издатель Фредерик Уорбург заказал ему автобиографию "История одного немца", а затем и другие книги. Тогда в Германии действовал закон, по которому родственники "врагов государства" несли за них ответственность – поэтому, чтобы не подставлять родных, по сути заложников, Раймунд Претцель превратился в Себастьяна Хафнера и стал писать на английском языке. Бежав из Германии, Хафнер работал в английской газете The Observer, где ему приходилось писать на любые темы, кроме спорта, и корреспондентом которой он вернулся в Германию в 1954 году.

Последняя в трилогии Хафнера книга – "Некто Гитлер".

"... Вовсе не случайно то, что два этих человека, благородный и подлый (Черчилль и Гитлер. – Н. Е.), стали друг для друга судьбой. ...Без Черчилля Гитлер стал бы

триумфатором, без Гитлера Черчилль умер бы блестящим неудачником и ходячим анахронизмом. Оба этих человека, никогда не встречавшиеся, сами того не зная, в течение нескольких лет словно бы маршировали навстречу друг другу, чтобы сойтись в смертельной дуэли. В известном смысле они словно бы принадлежали один другому – и такими и остались в истории, неотделимыми один от другого", – из книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль".

Уинстон Черчилль

| "Куда идём мы с Пятачком? Конечно, на Берлин!"

На презентации книги переводчик Никита Елисеев замечает, что она оказалась для него "благодатным материалом": "Когда я попытался переводить Томаса Манна, я плакал – было полное ощущение, что я не знаю немецкого". Хафнер же давался переводчику легко. Может быть, еще и потому, что он был журналистом, который умел, "как учитель школы для взрослых, изложить любую сложную проблему так, чтобы понял и заинтересовался последний двоечник".

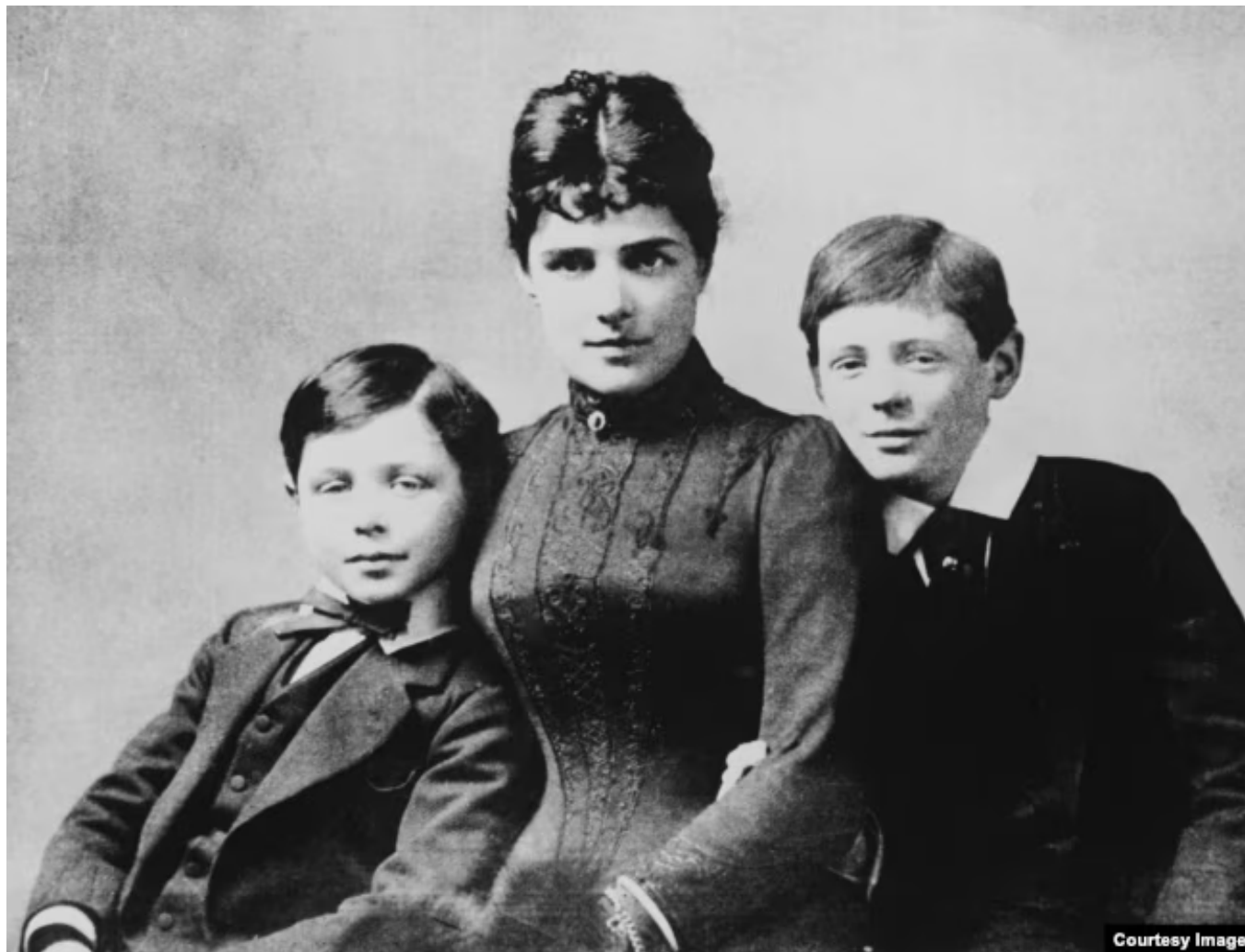
Елисеев отмечает, что, хотя книга и является во многом апологией Черчилля, автор объективно рассказывает о его плохом образовании, о его провалах, о его реакционности, которая претила либералу Хафнеру. И все же у Хафнера, считает Елисеев, "получился на редкость симпатичный образ такого Винни-Пуха английской политики и истории". На эту аналогию Елисеев, по его признанию, впервые наткнулся еще во время чтения [книги](#) Мартина Гилберта "Черчилль. Биография".

Никита Елисеев на презентации книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль". 2 июля 2026 года

"Это самая полная биография Черчилля. Там я прочёл, как после его инсульта жена Клементина безуспешно пыталась бороться с его винопитием и обжорством. Я представил, как она говорит: "Винни, это уже седьмой кусок ростбифа!". Черчилль – поэт и изобретатель. Причём изобретатель часто неудачливый, а еще он обжора и эксцентрик. И это опять же Винни-Пух! Потом оказалось – да, была такая городская присказка: "Куда идём мы с Пятачком? Конечно, на Берлин!".

Книга Хафнера о Черчилле начинается, как положено биографии, с детства – по-диккенсовски сурового. Семилетнего мальчика из хорошей семьи помещают в интернат, первый же разговор с учителем заканчивается жестокой поркой – и мгновенным отвращением к учению. Результатом долгих школьных лет стали пробелы в образовании – и железная воля маленького одиночки, противостоящего школьной системе. В таких ситуациях Черчилль окажется много раз – уже во взрослой жизни. Никита Елисеев считает внимание автора к школьным годам своего героя не случайным: отец Себастьяна Хафнера был известным педагогом, занимавшимся гуманизацией образования. "И, конечно, там есть мысль, что противостояние жесткой, ломающей системе вырабатывает жизнестойкость. Что бы ни случилось, он будет стоять на своём".

Дженни Черчилль с сыновьями Джоном (слева) и Уинстоном (справа), 1889 год

Видимо, уже тогда у него возникло яркое ощущение своей правоты и обязанности ее отстаивать. Хафнер упоминает эпизод, когда школьник Черчилль растоптал канотье учителя – какое последовало наказание, можно представить.

"Именно это ощущение собственной непререкаемой правоты позволило Черчиллю держаться "одному против всех" ...в тридцатые годы, когда не то что политический истеблишмент, но и большая часть страны существовала под лозунгом: "Лишь бы не было войны! Любые уступки Германии – только не война!" И как ни орал тогда Черчилль: "Война уже идёт, ползучая, гибридная. С каждым шагом этой войны Гитлер усиливает и укрепляет себя!" – любой его крик подпадал под рубрику: городской сумасшедший, талантливый безумец, говорит и пишет хорошо, но что он несёт!" – из книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль".

Но до этого еще далеко. А взрослая жизнь Черчилля началась для него после смерти отца, от невнимания и в то же время давления которого Уинстон жестоко страдал все детство и юность. И именно уход отца резко меняет что-то в нем и в его жизни.

"В свои двадцать лет Уинстон Черчилль был безнадёжным школьным неудачником, провалившим все экзамены, великовозрастным кадетом, позором

семьи, "ничтожеством" в глазах своего умирающего отца. В течение последующих пяти лет лондонское политическое общество всё больше стало говорить о нём заинтересованно, внимательно, сочувственно, напряжённо, со всё возрастающей надеждой. Когда Уинстону Черчиллю исполнилось 25 лет, о нём заговорила вся Англия. Он стал национальным героем", – из книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль".

Уинстон Черчилль. 1900 год

Черчилль выбирает военную карьеру.

Настоящим счастьем для него стало "открытие им обаяния военного ремесла, пропитавшего и напрягшего всё его существо; его душевного сродства с войной, его глубокого, врождённого знания того, что есть война". Теперь его мать, красавица, "дочь американского авантюриста, правнучка индейцев", обладавшая большими связями, помогала ему попадать в "горячие точки".

Его отец умер разоренным, Черчиллю нужны были деньги – так он стал военным журналистом, а потом начал описывать свои военные путешествия в очерках, выказывая непонятно откуда взявшееся глубокое

понимание событий и "разум настоящего полковника", что нравилось читателям, но злило военное начальство. И "в военном мире... он так и оставался всего лишь гусарским лейтенантом. Зато в качестве писателя обрёл влияние, которое стоило иной власти". Его стали приглашать влиятельные люди. "Политика столь же возбуждает, как и война, – и столь же опасна".

Во время англо-бурской войны буры захватили британский бронепоезд, военкор Черчилль освободил локомотив, погрузил туда раненых – и спас их, но при попытке отбить вагоны попал в плен, где его чуть не расстреляли. Побег был головокружительным – прыжок через тюремную стену, блуждание без языка, с картой и парой шоколадок в кармане по пустыне Карру, прыжки на товарные поезда, убежище в шахте, прибытие в нейтральный Мозамбик на товарняке в кучах угля.

Courtesy Image

Черчилль во время Англо-бурской войны

Черчилль вернулся героем, автором увлекательных военных очерков и хлестких обвинений в адрес командования. Летом 1900 года он в числе первых кавалеристов ворвался в Преторию и освободил из тюрьмы тех самых пленных, которых он же и спас полгода назад. О нем говорила вся страна – теперь он с легкостью выиграл парламентские выборы и "стал самым интересным новым человеком в новом парламенте".

Хафнер знакомит нас с английской политикой первой половины XX века – мы начинаем лучше понимать, кто такой Чемберлен (загадочный обитатель крылатого выражения советских времен "Наш ответ Чемберлену", которого часто путают с его младшим братом – о нем подробнее ниже) и чем был примечателен Ллойд Джордж.

В 1911 году Черчилля, уверенного в неизбежности войны с Германией, назначили главой Адмиралтейства. Он суеверно раскрыл Библию и прочел: "Слушай, Израиль: ты теперь идёшь за Иордан, чтобы пойти овладеть народами, которые больше и сильнее тебя... и ты изгонишь их, и погубишь их скоро..." Черчилль сумел провести реформы во флоте, но в 1915 году его ждало падение. Хотя он единственный видел и правильно предсказал ход войны, но не смог на него повлиять, действуя в одиночку, без друзей и единомышленников, и не обладая полнотой власти, отсюда и провал, – считает Хафнер. Неудачная для Британии и ее

союзников Дарданелльская операция, инициатором которой был Черчилль, надолго испортила его репутацию.

Никита Елисеев согласен – Черчилль был прав во многом: и в том, что в 1914 настоял на развитии танковой промышленности, и позже, когда настаивал на перевооружении Британии и на непримиримой политике по отношению к Гитлеру. Вслед за Хафнером Елисеев отмечает, что "Черчилль, хоть и был суеверным агностиком, но ощущал, что кто-то ведёт его по жизни, дает ему задание, которое он должен выполнить. Его назначают министром военно-морских сил, и он открывает Библию. Но если у человека нет представления о своей даймонии (понятие в древнегреческой философии – божественная сила, которая определяет судьбу человека – *CP*), если он не ищет окликов судьбы, он не может так отреагировать. У Черчилля представление о своем предназначении, конечно, было. Вот же, меня чуть не расстреляли, а я умудрился бежать – значит, я для чего-то нужен".

| "Кто сказал, что все будет хорошо?"

В книге Хафнера есть любопытная зарисовка в жанре альтернативной истории.

"...Без Черчилля 1940–1941 годов вполне можно себе представить: ныне (в 1967 – Н. Е.) 78-летний Гитлер царствует над великогерманским эсэсовским государством, простирающимся от Атлантики до Урала, а то и дальше. Без Черчилля, вполне возможно, британская колониальная империя существовала бы до сих пор..., конечно, в униженном младшем партнёрстве с гитлеровским континентальным рейхом и, вероятнее всего, в сильно фашизированном и варваризированном виде. Мировая контрреволюция, с которой и сам Черчилль так часто заигрывал в двадцатые годы, без Черчилля, скорее всего, победила бы, по крайней мере на первых порах. Нельзя исключить и того, что сокрушительная война против Америки, которую Гитлер после колонизации России намеревался вести во главе Старого Света в союзе с Британской империей, произошла бы и закончилась бы победой Гитлера" – из книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль".

Себастьян Хафнер

Никита Елисеев не считает зарисовку нереалистичной: "Современная история показывает, что это было вполне возможно, не следует закрывать на это глаза и говорить, что раз он злой, безумный, то не победит. А почему? Как **писал** Лев Толстой, вера в прогресс – один из самых сильных тормозов на пути человеческого мышления. Бог непознаваем, Бог мудрее меня. А прогресс – это "всё будет хорошо". А кто сказал? Очень может быть, что будет плохо. Поэтому вера в прогресс – это тормоз, а вера в Бога – это, может быть, даже газ, потому что Непознаваемый ставит перед тобой проблему. И ты должен её решать", – считает Елисеев.

В 1917 году премьер-министр Ллойд Джордж вернул Черчилля в политику, преодолев мощное сопротивление его врагов. На посту министра вооружений Черчилль наладил массовое производство танков, на посту военного министра виртуозно провел массовую демобилизацию, избежав солдатских бунтов, на посту министра колоний поддержал Грецию в **греко-турецкой войне** (1919-1921), а затем **конфликт** в Ирландии (последнее на долгие годы сделало его одним из самых ненавидимых политиков в этой стране). Но правительство либерала Ллойд Джорджа пало в 1922 году по причине внутрипартийных неурядиц.

Рассказывая о неудачах Черчилля, Хафнер упоминает, как в 1926 году, во время всеобщей стачки, он выпускал British Gazette, чей тираж за 10 дней достиг 2 миллионов экземпляров, но этот "поносный, переполненный руганью, провокационный пропагандистский "жёлтый" листок полностью обрушил репутацию Черчилля. 55-летний Черчилль стал в глазах своих соотечественников... романтическим реакционером, не понимающим современность".

Хафнер называет годы вынужденного бездействия Черчилля "его личным адом". Он строит дом, сажает деревья, разбивает пруды, кормит золотых рыбок, коллекционирует бабочек, рисует, путешествует, занимается своими детьми, пишет многотомные исторические труды и каждую неделю в качестве колумниста комментирует текущие политические события. Произносит блестящие речи в парламенте, но остается аутсайдером, "великим человеком вчерашнего дня". И прекрасно видит надвигающуюся катастрофу.

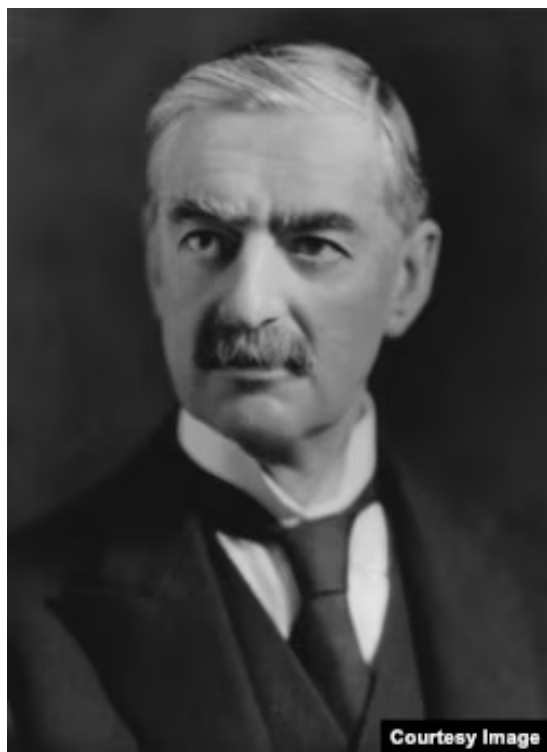
Черчилль с детьми, Дианой и Рэндолфом. 1923 год

Но именно в ней таилась надежда – что "вновь убедятся, как он был прав, и вновь он сможет стать необходим". Как пишет Хафнер, в те "пустынные десять лет" Черчилль "накапливал ...политический капитал, который позволил ему, военному премьер-министру, в 1940-м стать в Англии всемогущим, неприкосновенным и неуязвимым".

|"Он был уверен в своей правоте"

К 1937 году Черчилль ясно видел, что сближение с Германией принесет не мир, а войну. Хафнер считает, что настоящим антинацистом его сделало отвращение к

английской политике умиротворения. Но тогда Англия была на стороне Невилла Чемберлена.

Невилл Чемберлен

Пророческий голос Черчилля был гласом вопиющего в пустыне, и непонятно, откуда он брал "чудовищную твёрдость убеждений, которая позволила ему год за годом выдерживать груз полной изоляции, даже шельмования".

Но надежда, что его правота станет ясной всем, его не покидала.

"...У него теперь не было ...хоть как-то рассчитанной тактики, с которой он пару лет назад вёл кампанию за перевооружение армии и флота. Теперь он знал, что каждой своей речью, пророчащей беду и несчастье, он делает себя всё невозможнее, всё непереносимее для английской политики. Ему самому было невыносимо и жутко понимать: единственное,

что может сохранить его в политике, – грядущая катастрофа, о которой он неустанно предупреждает. Он был уверен в своей правоте. И он оказался прав", – из книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль".

Спрашивая себя – что именно Черчилль видел яснее других, Хафнер утверждает: "Ответ в одном слове, вернее, в одном имени: Гитлер". Но как Черчиллю удалось понять, кто он такой?

Уинстон Черчилль

Переводчик Хафнера Никита Елисеев на этот вопрос отвечает неожиданно: "Ты лучше понимаешь другого, когда в тебе есть что-то от него. Гитлер был такой же милитарист, как Черчилль. Только плохой милитарист. Гитлер был такой же империалист и националист, как Черчилль. Такой же, да не такой. И еще Черчилль очень внимательно наблюдал за тем, как ведет себя Гитлер в Германии и за ее пределами. И не успокаивал себя – да зачем ему, да что он, с ума сошёл? Ну да, сошёл, да, он безумец. А вы не видите? "Мою борьбу" не читали? В Германии у власти безумец, вот и ведите себя с ним, как с безумцем, если нет возможности поместить его в психиатрическую клинику", – говорит Никита Елисеев.

"У этих двух столь разных людей были три общие черты: воинственность – оба были рождены для войны и любили войну; анахроничность – оба были анахронизмом в XX веке, оба словно бы принадлежали куда более древнему, куда более сильному и жестокому времени; и самое крайнее, самое экстремальное, сближающее их, – они (каждый принципиально по-разному) умели доходить до самых границ возможного и переступать через них; в нормальных, обычных условиях жизни и политики они чахли – и оживали там, где для других не хватало воздуха", – из книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль".

Никита Елисеев

Как ни парадоксально, но восхождению Черчилля помог Гитлер. 3 сентября 1939 года, в день, когда Британия объявила войну Германии, Черчилль получил тот самый пост, с которым он входил в Первую мировую: лорд-канцлер Адмиралтейства. Он увидел тот же устаревший флот и те же задачи, только перспективы войны были куда мрачнее.

Из знаменитой речи Черчилля, произнесенной в Палате общин 13 мая 1940 года. "Я повторю перед Палатой то, что уже сказал присоединившимся к новому Правительству: "Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота". Нам предстоит суровое испытание.

Перед нами много долгих месяцев борьбы и страданий. Вы меня спросите, каков же наш политический курс? Я отвечаю: вести войну на море, суше и в воздухе, со всей мощью и силой, какую дает нам Бог; вести войну против чудовищной тирании, превосходящей любое человеческое преступление. Вот наш курс. Вы спросите, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа, победа любой ценой, победа, несмотря на весь ужас, победа, каким бы долгим и трудным не был путь; потому что без победы не будет жизни".

Между империей и ордой

Хафнер в своей книге описывает, как, получив всю полноту власти, Черчилль сформировал национальное правительство, в котором были представлены все основные партии, заставил флот, авиацию и сухопутные силы британской армии действовать, как единое целое, провел мгновенную мобилизацию страны, организовал работу промышленности на войну, все резервы бросил на закупку вооружений, одновременно делая бесконечно много для создания широкой антигитлеровской коалиции. Но Хафнер пишет и о менее известных направлениях в деятельности Черчилля.

"...Он не только хотел уничтожить Гитлера, но и ...выключить Сталина из мировой политики и включить в орбиту английского влияния Рузвельта – ...чтобы Америка не смогла никогда оторваться от Англии. Для этого ему нужно было такое течение войны, при котором Россия физически была отстранена от Европы; и потому Восточная Европа, а не Западная должна была стать целью большого англо-

американского наступления. Тот же самый удар, который сломает мощь Германии, должен стать железным засовом на воротах между Россией и Европой. Однако это означало, что удар должен быть нанесён не с Запада, а с Юга, базой для ... наступления должна была стать не Англия, но Северная Африка... Если бы это удалось, то к концу войны одни объединённые армии Англии и Америки ...стали бы хозяевами Европы. Россия не перешла бы свои границы", – из книги Себастьяна Хафнера "Уинстон Черчилль".

Уинстон Черчилль на Потсдамской конференции

Никита Елисеев считает, что этот план Черчилля был обречен: "С одной стороны, армия тоталитарной державы, которая не щадит ни чужих, ни своих, а с другой – армия демократических стран, которые вынуждены беречь своих солдат, потому что это другая армия. Журналисты будут писать: "Заградотряды поставить против отступающих – вы что?!" А в Вермахте, ну и еще кое-где, сколько лягут, столько лягут", – отмечает Елисеев и призывает при этом не делать из Черчиля русофоба:

"Он хотел – назовём чудище своим именем – отвлечь Европу от коммунистического тоталитаризма в лице Сталина. Он же ясно говорил, что нацизм взял от коммунизма самые худшие черты. Хотя они со Сталиным

относились друг к другу с уважением, едва ли не с симпатией. Эти два авантюриста, только разного типа, друг друга прекрасно понимали. Черчилль знал, чего ждать от Сталина – и от Гитлера. Он понимал, что Сталин не будет соблюдать условия – давайте проведём демократические выборы в Чехословакии и Венгрии. Сейчас! И референдум проведём в Литве, Латвии и Эстонии с международными экспертами. Ага. Знаем мы этих экспертов. Черчилль понимал, что будет, если Сталин возьмёт Восточную Европу, а пёрли-то так, что еще немного – и вот вам парижский обком во главе с Морисом Торезом. Вот в чем было дело. Но Рузвельт, в отличие от Черчилля, он был гораздо более идеалистичен, его было легче обмануть. И в итоге победила рузвельтовская концепция равновесия между двумя сильными державами. Раньше это была Англия, теперь будет Советский Союз. У нас сверхдержава, у них сверхдержава. И мы с ними будем решать геополитические проблемы. Эти два гиганта будут сдерживать мир от сползания к войне".

Черчилль, Рузвельт (в центре) и Сталин, Ялтинская конференция 1945 год

Чем обернулась эта надежда на "геополитическое равновесие", мы наблюдаем сегодня.

Никита Елисеев полагает, что когда российский или позднесоветский человек читает "Историю одного немца", он видит: "Плохо, но всё родное". А взяв в руки книгу про Черчилля, он попадает на другую планету. "Кто такой ранний, молодой Черчилль "на наши деньги"? Это Z-военкор: мы будем держать буров! Но в парламенте он говорит, что будь он буром, он бы тоже пускал поезда под откос. И добивается помилования командира партизанского отряда".

Уинстон Черчилль

А потом – совсем удивительно: "Черчилль выиграл войну. Он оказался прав, один против всех, привёл страну к победе. И с треском проиграл послевоенные выборы. Не, ну ты молодец, мы тебя уважаем. Но больше ты не нужен. Это другая планета, с которой нас ничего не соединяет. И этим хороша демократия. Англичане сказали: "Черчилль воин, а мы хотим мира. Да пофигу нам, что в Восточной Европе происходит. Мы навоевались выше крыши. Пусть они разбираются с советскими войсками, которые их, чёрт возьми, освободили. А мы туда не полезем. Это же нормальная интенция. Очень плохая – но не всё, что нормально, хорошо. В общем, находятся параллели с сегодняшним днем, прямо скажем", – отмечает Елисеев.

Этот контент также в категориях

Регионы

История.Север